

Прытков Владимир Павлович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Лебедев Александр Сергеевич

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация:

В статье анализируются концепт «информационное общество» и теории, связанные с ним. Авторы отмечают неопределенность этого концепта и наличие противоречий и элементов утопизма в указанных теориях. Выделяется ключевое социокультурное противоречие, выражаемое оппозицией «реальное – виртуальное», пронизывающее все сферы жизнедеятельности информационного общества.

Ключевые слова:

информационное общество, инфооптимисты, инфоутописты, постиндустриальное общество, глобализация, компьютерный фундаментализм, реформа образования.

Prytkov Vladimir Pavlovich

PhD,
Assistant Professor, Philosophy Subdepartment,
Urals Federal University
named after the first Russian President Boris Yeltsin

Lebedev Alexander Sergeevich

SOCIAL AND CULTURAL CONTRADICTIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Summary:

The article analyzes a concept of 'information society' and theories associated with it. The authors note the uncertainty of this concept and the presence of contradictions and utopianism elements in these theories. The paper highlights the key socio-cultural conflict, expressed by the opposition 'real – virtual', which penetrates all spheres of information society's life.

Keywords:

information society, info-optimists, info-utopians, postindustrial society, globalization, computer fundamentalism, education reform.

Любая идея – научная, философская, художественная и т. п. – имеет свою «родословную», как правило, достаточно разветвленную. Концепт «информационное общество» не является исключением: в 40-е гг. XX в. австралийский экономист К. Кларк писал о перспективах общества информации и услуг, в 50-е гг. австроамериканский исследователь Фриц Махлуп ввел термины «экономика знаний» и «информационная экономика» [1], а термин «информационное общество» изобрел, по-видимому, Ю. Хаяши (Токийский технологический институт). С конца 1960-х гг. и до наших дней было предложено множество ответов на вопрос: «Что такое информационное общество?». В частности, французские исследователи С. Нора и А. Минк одними из первых охарактеризовали информационное общество как сложное общество, в культуре которого возникают серьезные проблемы и конфликты [2].

Цель нашей статьи – проблематизировать социально-философские основания и принципиальные положения различных концепций информационного общества (далее – ИНФО), систематизировать критические аргументы в их адрес, представленные в философской и научной литературе.

Многочисленных участников дискуссий по проблематике ИНФО можно разделить по степени эмоциональной вовлеченности на четыре группы:

а) «*акыны информатизации*» – это авторы, действующие по принципу «Пою о том, что вижу», не утруждающие себя философской рефлексией и критическим анализом, типичные комментаторы;

б) *инфооптимисты* – это интеллектуалы, верящие в научно-технический прогресс, в частности – в развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), сочувствующие ИКТ-революции;

в) *инфоутописты* – это авторы, уверовавшие в то, что ИКТ решат все человеческие проблемы, что благодаря этим технологиям, как пишут А. Бард и Я. Зодерквист, «все автоматически изменится к лучшему. Интернет – это решение всех наших проблем. Экономика расцветет и будет приносить пользу всем и каждому, этнические и культурные конфликты исчезнут, поскольку им не будет места во всемирном «цифровом» сообществе» [3, с. 12];

г) *инфопессимисты* – это исследователи, которые полагают, что современное общество, несмотря на ИКТ-революцию, по сути, осталось таким же, как и прежде. Их не прельщает перспектива стать «жертвами» этой революции. Таким образом, актуализируется потребность в переосмыслении концепций ИНФО.

Социально-философские предпосылки. Вспомнив высказывание Ю.В. Андропова, необходимо признать: «Действительно, мы не знаем общества, в котором живем...» [4, с. 3]. Правда, отдельные инфооптимисты утверждают: «Уже несколько десятилетий мы живем в постиндустриальном информационном обществе» [5, с. 306], в качестве «доказательства» приводя данные статистики по США и Англии. Впрочем, «бумага все терпит» и не такое еще пишут некоторые современные авторы, «не приходя в сознание». С высказыванием Г.А. Осипова нельзя согласиться не только потому, что «за державу обидно». Во-первых, потому что эпитет «информационное» может ввести в заблуждение. Живущие в обществе люди по природе своей имеют **материальные потребности**, удовлетворить которые никакая информация в принципе не может: она не накормит, не утолит жажду, не обогреет и т. д., следовательно, в ИНФО должны сохраняться и промышленное, и сельскохозяйственное производство, пусть и называют их «реликтами» доиндустриального и индустриального общества. Во-вторых, почему отождествляются понятия «ИНФО» и «постиндустриальное общество»? В становлении концепций постиндустриализма, подчеркивает В.Л. Иноземцев, отчетливо выделяются *два различных подхода*: postmodernity и knowledge society [6, с. 100–103]. Концепт ИНФО выработан в рамках второго подхода, приверженцы которого определяют новое состояние цивилизации посредством выделения его отдельного технологического признака – ИКТ-революции. Поэтому прав инфооптимист А.А. Зиновьев, утверждающий, что описание ИНФО «по степени глупости превзошло даже описание «полного коммунизма» в марксизме».

Действительно, концепт ИНФО отличается высокой степенью **неопределенности**. В его содержании выделяют следующие признаки:

1. ИНФО – это ступень в развитии мировой цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества [7]. Наши контраргументы таковы:

– В эпоху постмодернити нет единой мировой цивилизации – есть государства «золотого миллиарда» и их сырьевые придатки, колонии.

– На протяжении всей истории человечества информация и знания играли важные роли в общественной жизни [8]. Однако из данного факта не следует, что ИНФО – это «вековая мечта человечества». Может быть, это тупиковая ветвь социальной эволюции?

– **Информация и знания – не одно и то же.** Прав был Гераклит: «Многознание уму не научает...». О понятии «информация» еще в 1993 г. финский логик Я. Хинтикка писал: «Это не красивое слово, это иностранное слово, и, возможно, оно не так уж много означает. <...> Это не очень глубокое слово. Во всяком случае, это не такое глубокое слово, как “знание”» [9, с. 291].

2. Социальные изменения определяются внедрением ИКТ.

– Это рецидив многократно раскритикованного технологического детерминизма. Законы технико-технологического развития (необратимого и однонаправленного, отмечает Иноземцев) непосредственно не определяют закономерности развития общественных отношений.

3. Основным субъектом социальной активности станет «свободное сообщество».

Это наивно-утопическое заблуждением мы проанализируем ниже.

4. Произойдет ускорение темпов социального прогресса.

– Вы все еще верите в прогресс? Тогда предъявите неоспоримые аргументы.

Таким образом, концепт ИНФО является неопределенным, неясным, расплывчатым, несущим «тавро Кассандры» или печать технологического детерминизма. Вспомните вторую половину XX в., как только его ни называли – ядерный, космический, кибернетический век и т. д., и т. п. Кто сейчас помнит эти «гордые» имена, кроме философов и обществоведов-пенсионеров? Следовательно, вопреки мнению Осипова, мы не живем в постиндустриальном ИНФО. Тем не менее никто не мешает нам продолжить анализ данного концепта, выявляя и систематизируя присущие ему проблемы, противоречия и конфликты.

Эпистемологические ограничения. Основатель кибернетики Н. Винер утверждал: «Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией» [10, с. 31]. Точнее, не «правильной», а «истинной» или «адекватной». Однако сейчас, 60 лет спустя, многие исследователи приходят к неутешительному выводу, что ИКТ-революция не оправдала тех надежд, которые возлагались на нее. «Надежда стать более информированным, чем раньше, узнавать быстрее и полнее все, что происходит в мире, в культуре, в науке и технике – эта надежда рухнула под напором избыточной и часто фальсифицированной информации» [11, с. 66]. Почему это произошло? Мы полагаем, что кроме известных социокультурных факторов негативную роль в загрязнении информационного пространства сыграли также эпистемологические факторы. Известный физик А.М. Хазен (Институт механики МГУ) описывает некоторые ограничения в развитии вычислительной техники и ИКТ: а) компьютер способен продуцировать свою «*машинную лже-науку*», то есть принципиально изменять результаты вычислений из-за технических особенно-

стей своего устройства и метода решения задач; б) ошибки могут быть выявлены только по окончании решения задачи. Как человек, так и компьютер «сильны задним умом», *post factum*; в) «демон Лапласа» не реализуем, то есть не все можно определить и предсказать; г) возможна потеря промежуточной информации (эффект М. Фейгенбаума); д) происходит неизбежное старение информации и снижение надежности хранения знаний. Вопреки М.А. Булгакову, «рукописи горят».

Любой сбой в преемственности функционирования компьютерной системы может привести к необратимой утрате знаний. При этом утрата может быть замечена спустя годы, то есть негативные социальные последствия обнаружатся через много лет. Какие бы достижения в создании ИКТ ни были реализованы, отмечает Хазен, «остаётся неустранимый запрет: **гарантировать безошибочность системы искусственного интеллекта** во всех без исключения случаях конкретных решений **невозможно!**» [12, с. 299] (подчеркнуто авторами – В.П., А.Л.).

Справедливости ради следует отметить позитивные следствия ИКТ-революции; *позитивные* для нашего философского сообщества: актуализация проблемы «реальное – виртуальное», возрождение категории «истина», усиление и углубление дискуссий по «вечным» проблемам – личности, свободы, добра и зла и т. п.

Указанные философские проблемы «неожиданно» (для инфооптимистов) обнаружили актуальность прежде всего в **экономической сфере**. Так, например, проблема соотношения реального и информационного секторов экономики есть современная конкретизация, версия традиционной оппозиции «реальное – виртуальное» [13, с. 88–91], представляющей один из аспектов основного вопроса философии. Действительно, экономисты справедливо утверждают, что рост реальных доходов и потребления может быть обеспечен *только реальным сектором* (информацией людей не накормишь!). Возникает вопрос: как влияет на него информационный сектор? Ответ, по нашему мнению, укрепляет позицию инфопессимистов: влияет во многом негативно.

Причины этого заключаются в природе социальной информации. Как известно, К. Шеннон однозначно утверждал, что информация может быть таким же продуктом производства и транспортировки, как и бревна, выпускаемые лесозаводом [14, с. 404], то есть информация – это товар, предмет и / или средство транзакции. Однако товар особенный, необычный, нетрадиционный. Специалисты подчеркивают следующие **особенности инфоэкономики**:

– «Уникальность информации как производственного фактора обусловлена заключенной в ней *дихотомией* распространенности и редкости, неисчерпаемости и конечности» [15, с. 321], то есть она не имеет свойства редкости.

– Информация обладает свойствами общественного блага, но, по словам Д. Белла, «ничто не может измерить стоимость таких благ в рыночных терминах». Налицо неустранимое *противоречие*, которое ведет, согласно В. Иноземцеву, к деструкции рыночного хозяйства!

– Свободная конкуренция в информационном секторе невозможна, в нем возможна только олигополия или монополия.

– Ценообразование здесь не укладывается в привычные схемы реального сектора.

– Информационный сектор плодит «плохие» ценные бумаги, фиктивный капитал, порождая «пузыри» на фондовом рынке. По-видимому, это обусловлено переоценкой интеллектуального капитала.

Охарактеризованные «прелести» инфоэкономики увеличивают свой негативный «заряд» в условиях периодических кризисов. «Кризис заставил увидеть: рост информационного сектора **серьезно ухудшил** состояние традиционной экономики. И еще выяснилось, что объем американского ВВП содержит большой воздушный «пузырь». Место его рождения (и воспитания) – тот самый информационный сектор» [16, с. 308] (подчеркнуто авторами – В.П., А.Л.). Как следствие этих факторов возрастает объем кредитования реального сектора из-за нехватки у него оборотных средств. По словам Г.А. Осипова, «реальный производитель обнаружил у себя в кармане чью-то руку».

Таким образом, инфоэкономика порождает противоречия в **социальной сфере**, которые замалчивают, не видят или маскируют инфооптимисты и инфоутописты. То обстоятельство, что ИКТ-революция обострит социальные противоречия, предвидел еще Н. Винер. Он писал, что автоматическая машина «представляет собой точный эквивалент рабского труда». Этот вывод он обосновывал фактами истории американской промышленности и традициями «американской философии прогресса». Согласно этим традициям, широкое применение новых технических средств и технологий диктуется интересами собственников и лишь в той степени, «в какой будет очевидно, что они принесут немедленную прибыль, невзирая на тот будущий ущерб, какой они способны нанести». **Прибыль, невзирая на ущерб**, – это принципиальная установка, помогающая понять «американскую философию прогресса». Кто отменил этот принцип в условиях ИНФО? Вопрос риторический, но он мало кем ставится и обсуждается. То, что данный принцип работает, не опровергает даже история с добычей сланцевого газа и конфликтом на юго-востоке Украины [17].

Основатель кибернетики предвидел, что «внедрение автоматических машин вызовет безработицу, по сравнению с которой современный спад производства и даже кризис 30-х гг. покажутся приятной шуткой. <...> Однако ничто в промышленной традиции не помешает промышленнику извлечь гарантированные и быстрые прибыли и ретироваться, прежде чем банкротство затронет его лично» [18, с. 166–167]. Более того, писал Винер, «вторая промышленная революция», то есть ИКТ-революция, может быть использована для *уничтожения человечества*. Диаметрально противоположные картины будущего рисуют инфоутописты, например топ-менеджеры компании Google Э. Шмидт и Дж. Коэн. Они утверждают, что всеобщий доступ в Интернет «обещает нам ослепительный фейерверк «качественных» ее [повседневной жизни – В.П., А.Л.] улучшений: укрепится наше здоровье, повысится безопасность, жить станет интереснее». Все электронные устройства «в вашей квартире станут выполнять не только утилитарные функции. Они будут развлекать, отвлекать от забот, обогащать интеллектуально и культурно, расслаблять физически и дарить возможность делиться своими впечатлениями с другими» [19, с. 32]. В этой завлекательной лубочной картинке, казалось бы, нет ничего утопического: все технические «чудеса» доступны уже сейчас. Социально-экономическая «собака зарыта» в словах «в **вашей** квартире». Сколько усилий, денег и лет потребуются затратить молодому человеку из страны «третьего мира», чтобы стать собственником такой квартиры? Конечно, существуют социальные институты, помогающие ему в реализации этой цели, но никто не отменяет риски, связанные с рекламируемым образом жизни: угрозы безработицы, банкротства, заболеваний, преступных посягательств и т. д. Еще Дж.М. Кейнс в своем эссе «Экономические возможности для наших внуков» (1930) предупреждал о *технологической безработице*. В главной своей книге – «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) – Кейнс утверждал, что находящаяся в депрессии экономика может оставаться в таком положении. «Равновесие» вполне может сосуществовать с безработицей, и безработицей массовой. Излагая теорию Кейнса, Р. Хайлбронер пишет: «В сердце капитализма лежит неопределенность, а не уверенность» [20, с. 350]. Поэтому мы не можем согласиться с выводом О.Н. Антипиной о том, что теория «новых кейнсианцев» подкрепляет концепцию ИНФО [21].

В Окинавской хартии глобального ИНФО, принятой главами стран G-8 летом 2000 г., говорится о необходимости того, чтобы ИКТ «служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, международного мира и стабильности». Достижимы ли эти цели? Не утопичны ли они – цели и средства их достижения? Чтобы не «растекаться мыслию по древу», поставим следующий вопрос: **«Способно ли ИНФО разрешить проблему социальных неравенств?»** В дальнейшем анализе мы исходим из трактовки указанной проблемы, предложенной академиком РАН М.К. Горшковым [22]. Проблема социальных неравенств – это специфическая форма социальной дифференциации, предопределяющая неравенство жизненных шансов для разных социальных субъектов. Основными механизмами воспроизводства и поддержания социальных неравенств, согласно М.К. Горшкову, являются: а) отношения собственности; б) властные отношения (господства и подчинения); в) социально закрепленное и иерархизированное разделение труда; г) стихийная социальная дифференциация. Изменяются ли указанные отношения в условиях ИНФО? Проанализируем их последовательно.

Отношения собственности. Питер Ф. Дракер, патриарх современного менеджмента, писал о превращении капитализма в Капитализм с большой буквы, который переходит в посткапиталистическое общество. Все указанные им этапы не предусматривают кардинальных изменений в отношениях собственности [23]. Следовательно, не только в ИНФО, но и в «обществе знаний» (knowledge society) капиталисты останутся собственниками средств производства и работодателями. Как бы ни называли капитализм – «когнитивный», «академический» и т. п. – идеологи глобальной информатизации, его классовая сущность не изменяется. Впрочем, добросовестные исследователи признают: «...капитализм создает громадное неравенство доходов и богатства» [24, с. 189].

Отношения власти. Продолжая свои размышления о будущем капитализма, Лестер Туроу пишет: «Демократия и капитализм по-разному понимают, как должна быть распределена власть. Демократия подразумевает абсолютное равенство политических прав – “один человек, один голос”, тогда как капитализм исходит из того, что экономически сильный должен вытеснить слабого и довести его до хозяйственного краха» [25]. Таким образом, Л. Туроу констатирует сосуществование двух *противоположных принципов* распределения власти, основанных на двух источниках власти – богатстве и положении в политической иерархии. Указанное сосуществование противоположностей порождает и воспроизводит, вопреки утверждениям П. Дракера, новые и старые «неизбежные противоречия капитализма». В условиях рыночной экономики, отмечал Джон К. Гэлбрейт, власть сосредоточена в руках работодателя.

Кому принадлежит власть в ИНФО? Она принадлежит, по версии А. Барда и Я. Зодерквиста, *нетократам*, обитателям Сети. Шведские авторы полагают, что социальная структура ИНФО будет трехуровневой. Первый (нижний) уровень социальной пирамиды – это *консьюмтариат*, заключенный в сеть неограниченного потребления («компетентный потребитель» – воплощенная мечта А.А. Фурсенко), членом которой может стать любой желающий (видимо, сдавший ЕГЭ). Второй – правящий класс *нетократов*, «те, кто обладает знанием и сетью полезных связей» [26, с. 53]. Третий – *кураторы*, верхушка правящего класса. Анализ данной структуры приводит авторов к выводу: **ИНФО не знает равенства**. Следовательно, проблема социальных неравенств не будет актуальной в данном инфоутопическом проекте.

Разделение труда. Этот проект является более утопическим, нежели идеальное государство Платона, в котором разделение труда соответствовало природным задаткам людей. Платон, в отличие от шведских публицистов, предусмотрел класс «кормильцев» (земледельцев, ремесленников, купцов), которые обеспечивают существование стражей и философов. А кто будет содержать консьюмтариат и нетократов? Этот вопрос не обсуждается. Таким образом, мы возвращаемся к тезису о неправомерном отождествлении понятий «ИНФО» и «постиндустриальное общество». Становление последнего, подчеркивал Д. Белл, «не должно означать прекращения производства материальных благ» [27, с. 107]. Следовательно, доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества не сменяют одно другое (как у О. Тоффлера в «Третьей волне!»), а **сосуществуют**. Мы полагаем, что данное обстоятельство служит *генератором проблем* – экономических, политических, культурных.

Культурные противоречия. Концепция нетократии, несмотря на присущие ей элементы утопии, тем не менее разоблачает многие технократические иллюзии, содержащиеся в Окинавской хартии и растиражированные в других официальных документах, в том числе «Стратегии развития ИНФО в Российской Федерации» от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. Все эти «стратегии» нереалистичны, поскольку «зациклены» на количественных показателях роста технологической инфраструктуры ИНФО и совершенно игнорируют антропологические и культурные основания общественного развития. В очередной раз воспроизводится одна из ситуаций чеховского «Вишневого сада» – «человека забыли» зарубежные и отечественные технократы и прагматики в торопливом переходе к «новой жизни». Авторы «Нетократии» неслучайно в название главы VIII включили тезис М. Фуко о «смерти человека» – они призывают к преодолению «мифа о человеке». Кроме того, подчеркивая экономическую сущность капитализма, они пишут: «Государство и рынок едины в своей враждебности по отношению к любой активности за пределами экономического сектора...», но далее не развивают этот тезис. За них продолжаем мы: «Рыночное общество, в котором все продается и все покупается, враждебно и к высокой культуре, и к фундаментальной науке, поскольку они не обеспечивают скорую прибыль».

В этом плане весьма показательна статья А.С. Нариньяни [28], программная работа российского инфоутопизма. Автор призывает к развитию электронной техники (*e-техники*; здесь и далее префикс «е» – значит «электронный») и усложнению программного обеспечения (в том числе распространению облачных технологий) и ко всеобщей информатизации общества. Незаметно он покидает сферу технологии и переходит в сферу философии, не будучи в ней профессионалом (забыв, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят»). Он фактически предлагает «самодельный» ответ на вопрос: «В каком направлении развивается техногенная цивилизация?» Автор ставит все точки над *i*, поскольку откровенно показывает не только направление технологического движения, но и его финиш. Итогом ИКТ-революции, по мнению этого прямодушного автора, будет возникновение нового антропологического типа: **Homo sapiens превратится в e-Homo**. «Электронный человек» будет жить в другой цивилизации, в которой будут процветать е-культура, е-свобода, е-образование и т. д. Предлагается также термин *Homo informaticus* [29], но при этом избегают постановки и обсуждения вопроса о целесообразности данного превращения, вопросов «зачем?», «для чего?», «с какой целью?».

Рассмотрим процесс информатизации отечественного образования, неотделимый от процессов реформирования «всего и вся», глобализации, социальной дифференциации и моральной деградации российского общества. Разделяя позицию многих исследователей, в частности – В.Е. Захарова, В.Л. Иноземцева, Ж.Т. Тощенко и других, мы полагаем, что сегодняшнее среднее и высшее образование значительно хуже советского, что в результате «реформ» возникло «некое кентавр-образование» (Тощенко) или «злокачественное образование» (Иноземцев) и что внедрение ИКТ в образовательный процесс не является панацеей.

В научной литературе выделяют следующие **негативные стороны** информатизации учебного процесса.

1. Компьютер не может заменить учителя. Настоящий учитель (доцент, профессор) – это прежде всего *личность*, обладающая целостным мировоззрением, носитель нравственных ценностей, идеалов, убеждений. Благодаря этому он воспитывает ученика (студента, аспиранта) в процессе живого межличностного общения. Известные специалисты отмечают, что сведение функций учителя «к наблюдению за учеником – просто губительно для развивающейся личности ребенка и подростка. Когда известного педагога спросили: «Сколько хороших учителей надо человеку?», он ответил: «Достаточно одного». Мы скоро и этого лишимся» [30, с. 64].

2. Компьютеризация обучения *противоречит принципу индивидуализации* – одному из основных принципов дидактики, проверенных многовековым опытом человечества – от бесед Конфуция, майевтики Сократа, «золотого правила» Я.А. Коменского до наших дней.

3. Живое межличностное общение учителя и ученика – это больше, чем коммуникация, больше и важнее, чем обмен информацией. Отсутствие такого общения негативно сказывается на развитии *эмоциональной сферы* учащихся и в итоге – на эффективности обучения. «Эмоциональное одобрение учителя компьютер в принципе заменить не может», – пишут Шадриков и Шемет.

4. Компьютеризация и тестирование *отучают мыслить* вопреки лозунгу «Школа должна учить мыслить!» (Э.В. Ильенков). Компьютер имитирует аналитическое мышление, редуцируя его к выбору одного варианта из некоего набора заранее данных альтернатив. Тестирование загоняет учебный материал в дихотомию «правильно – неправильно», а по сути – «угадал – не угадал». Известный психолог А.В. Брушлинский убедительно доказал, что «живой мыслительный процесс не осуществляется по принципу дизъюнктивного выбора из альтернатив» [31, с. 309].

5. Компьютеризация и тестирование, а также БРС (балльно-рейтинговая система – любимое детище чиновников от образования) разрушают *мировоззренческую функцию науки*, реализуемую прежде всего в системе среднего и высшего образования (в советское время). Традиционное образование формирует у обучаемых целостную картину мира, а не мозаичную, характерную для ИНФО. Научная картина мира вырабатывает определенный стиль мышления, который воплощается в мировоззрении личности. Это мировоззрение есть единство чувственно-эмоционального, волевого и рационального начал; оно делает жизнь человека осмысленной, позволяет ему *понимать* окружающий мир. Понимание – результат интерпретации. С точки зрения логической семантики языковое выражение является осмысленным, если оно интерпретируемо в индивидуальной концептуальной картине мира носителя языка. «Искусство» интерпретации включает способности оперировать с аналогиями, метафорами, аллегориями, которые не формирует компьютерное тестирование. Последнее плодит «интеллектуальных евнухов» (Д. Дёрнер), «офисный планктон».

6. Бюрократизация образования. Во многих российских вузах традиционный экзамен усилиями чиновников и средствами административного давления заменяется компьютерным тестированием, которое **абсолютно противопоказано** в преподавании гуманитарных дисциплин – истории, литературы, философии, культурологии и т. д. Система гуманитарного образования в технических вузах, сложившаяся худо-бедно в 90-е гг. была фактически разрушена при переходе на двухуровневое обучение «бакалавриат – магистратура» в угоду Болонскому процессу (в народе говорят: «Болонская система – это когда любая болонка умнее тебя»). «Болонизация всей страны» (А. Васерман, 2009) привела к тому, что создан «некий кентавр, который пытается «соответствовать» западным требованиям, в то же время игнорируя определенные достижения российского высшего образования, накопленные за почти трехсотлетнюю историю его существования» [32, с. 423]. Причины этого давно известны – «западнизм» правящего класса и пренебрежительное отношение чиновников Минобрнауки к рекомендациям российских ученых. Например, еще в 2003 г. академик РАН, специалист по информатике П.С. Краснощёков предостерегал от **компьютерного фундаментализма**, но чиновники его, конечно же, не «услышали». Более того, они теперь продвигают идею сетевых курсов, призванных унифицировать лекционный процесс с помощью ИКТ. Академик Краснощёков пишет: «Вот это уж совсем никуда не годится. Лектор не просто озвучивает теоретический материал. Он его интерпретирует. Сколько лекторов, столько и интерпретаций» [33, с. 68]. Он отмечает, что ИКТ несут в сферу образования такие любимые американцами атрибуты, как *унификация и стандартизация*. Эти атрибуты неизбежно ведут к бюрократизации образования, и оно «как ритуал приобщения человека к знаниям, к истине перестанет существовать». Здесь весьма прозорливо выявлена связь компьютерного фундаментализма с глобализацией.

7. И как закономерный итог компьютерного фундаментализма – **всеобщее падение грамотности**. Предикат «всеобщее» означает: а) указанное явление имеет место как на Западе (олицетворяющем ИНФО), так и в России; б) наблюдается во всех социальных стратах – от школяра до академика, от избирателя до президента страны; в) распространяется на все отрасли знания – от астрономии до языкознания, от медицины до искусства. Закономерно, что ИНФО В.Г. Горохов называет «*обществом не-знания*». Приведем некоторые факты в защиту нашего

тезиса. «Прелести» западного образования, которое усиленно насаждают в России, продемонстрировал канцлер британского казначейства Дж. Осборн. Как пишет газета The Guardian, он отказался отвечать во время телешоу на вопрос семилетнего мальчика: «А сколько, сэр, будет, если семь умножить на восемь?» Все помнят, как президент Буш перепутал Австрию с Австралией. А каковы ответы Дженнифер Псаки? Многие исследователи отмечают, как пострадал русский язык от Интернета: отдельные пользователи «изобрели» особый «падонкаффский», или «олбанский» язык (йезыг). Многие лингвисты считают, что за счет использования «олбанского» люди маскируют свое незнание русского литературного языка, нормами которого пренебрегают до 40 % пишущих в Интернете (данные социолога А.С. Ваторопина, 2012 г.).

Нельзя не согласиться с мнением И.Ю. Алексеевой, что если развитие интеллекта признается задачей образования, то способы, формы и масштабы использования ИКТ в образовательных целях должны вырабатываться и оцениваться с учетом этой задачи [34, с. 20]. В противном случае возникает вопрос: «Зачем человеку нужен искусственный интеллект, если он перестает пользоваться естественным?» И все-таки – что делать с нашим образованием? Некоторые авторы («акыны информатизации») предлагают повышать его качество «путем включения в мировое образовательное пространство», не задумываясь о качестве «мирового». С этим нельзя согласиться. Будем реалистами: глобализацию Г. Киссинджер откровенно назвал *американизацией*. В нашей литературе данный тезис глубоко и обстоятельно разрабатывал А.С. Панарин. Среди культурных противоречий ИНФО **антиномия «глобальное – национальное»** является одной из ключевых. Признаки глобальной е-культуры не видят только либерально настроенные инфооптимисты. Эта культура способна уничтожить национальную, великую русскую культуру. Кроме того, как уже отмечалось, качество англосаксонского образования нередко находится «ниже плинтуса». Учитывая сказанное, мы предлагаем **противоположный подход**: возрождать лучшие традиции национальной системы образования. В современном мире существуют две образовательные парадигмы: *системная*, немецкая, и *мозаичная*, американская. Ж.Т. Тоценко приводит справедливое замечание: «⁷А зачем нам отказываться от сложившейся немецко-русской системы образования, которая взаимно обогащалась и крепла со времен Петра I и Екатерины?» Кстати, и до сих пор многие вузы Германии и Франции не собираются переходить на Болонскую систему» [35, с. 422]. Дополнительные аргументы «contra» навязанной реформы формулирует С.Г. Кара-Мурза. Во-первых, он утверждает, что «смысл глобализации – устранить суверенитет народов над их ресурсами» [36, с. 244]. Понятие «ресурсы» включает в себя, наряду с природными, социокультурные ресурсы – информационные, когнитивные, интеллектуальные и т. п. «Нетократическая глобализация ведет к появлению глобальной электронной культуры», – пишут Бард и Зодерквист, характеризуя *денационализацию ИНФО*. Во-вторых, отмечает, что нынешняя реформа образования обостряет социальные неравенства. Кроме того, многие исследователи критикуют ее насильственный характер. Действительно, направленное изменение культурно-исторической среды – это одна из форм *косвенного геноцида* [37]. Таким образом, приведенные аргументы обосновывают необходимость кардинальных изменений политики в сфере высшего профессионального образования.

Завершая анализ противоречий процесса информатизации общества, подведем предварительные итоги.

1. Концепт «информационное общество» является неопределенным, расплывчатым и неясным. Он наследует пороки концепций технологического детерминизма, доказавших свою неадекватность.

2. Всеобщая информатизация не является абсолютным благом, поэтому не может и не должна провозглашаться как *цель* общественного развития, а должна выступать как его *средство*, полезный инструмент, применяемый осторожно, разумно и целесообразно, с учетом требований не только информационной, но прежде всего *национальной безопасности*.

3. Использование и распространение ИКТ должно учитывать наличие *ограничений* – эпистемологических, социальных, культурно-исторических, антропологических, психологических. Необходимо минимизировать число жертв ИКТ-революции.

4. Ключевое социокультурное противоречие ИНФО выражает бинарная оппозиция «*реальное – виртуальное*». Мы полагаем, что в экономической сфере реальный сектор должен доминировать над информационным (виртуальным).

5. Анализ концепций, представленных в зарубежной и отечественной литературе, позволяет утверждать, что ИНФО не способно разрешить проблему *социальных неравенств*. Более того, оно способно обострять эти неравенства, повышая конфликтный потенциал проблемы.

6. Информатизация образования не является панацеей. Компьютерное тестирование не развивает, а примитивизирует мышление учащихся и студентов, ведет к обострению *кризиса рациональности*, становящемуся глобальной проблемой современности. «Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» [38, с. 521].

7. Философский анализ социокультурных противоречий ИНФО направлен на выявление разрушительных и необратимых антропологических последствий ИКТ-революции, против воплощения новейших технократических утопий.

Ссылки:

1. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966.
2. Nora S., Mink A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge ; L., 1980 (1-е изд. – Paris, 1976).
3. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2005.
4. Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012.
5. Осипов Г.А. Информация и экономика // Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. М., 2010.
6. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
7. Чернова Е.Н. Информационное общество и модернизация в России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. Т. 1. С. 20–23.
8. Юнь О.М. Восхождение к информационному обществу. М., 2012.
9. Цит. по: Эволюционная эпистемология и логика социальных наук : Карл Поппер и его критики / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., 2000. Кроме того, см.: Адлер Ю., Черных Е. Знание и информация – это не одно и то же // Информационное общество. 2001. № 6. С. 8–15.
10. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. с англ. под ред. Э.Я. Кольмана. М., 1958 (London, 1954).
11. Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. № 12.
12. Хазен А.М. О возможном и невозможном в науке, или где границы моделирования интеллекта. М., 1988.
13. Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии. Екатеринбург, 2003.
14. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
15. Иноземцев В.Л. Указ. соч.
16. Угланов А. Конец нефтегазового проклятия // Аргументы недели. 2014. 10–16 июля. № 25. С. 1.
17. Там же.
18. Винер Н. Цит. соч.
19. Шмидт Э., Козн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013.
20. Хайлбронер Роберт Л. Философы от мира сего / пер. с англ. М., 2008.
21. Антипина О.Н. Новая макроэкономика информационной эпохи // Вестник Московского университета. Сер. 6. 2007. № 3.
22. Горшков М.К. Социальные неравенства как социологическая проблема и вызов современной России // Общество – культура – человек : Актуальные проблемы социологии культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2012. С. 162–175.
23. Дракер П.Ф. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 70–100.
24. Туроу Л. Будущее капитализма // Там же. С. 188–222.
25. Там же. С. 188.
26. Бард А., Зодерквист Я. Цит. соч.
27. Цит. по: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества.
28. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями // Вопросы философии. 2008. № 4.
29. Колин К.К. Философские проблемы информатики. М., 2010.
30. Шадриков В.Д., Шемет И.С. Информационные технологии в образовании: плюсы и минусы // Высшее образование в России. 2009. № 11.
31. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. ; Воронеж, 1996.
32. Тощенко Ж.Т. Кентавр – проблема: опыт философского и социологического анализа. М., 2011.
33. Краснощеков П.С. Компьютеризация ... будем осторожны // Математика в высшем образовании. 2007. № 5.
34. Алексеева И.Ю. Вызовы интеллекту // Информационная эпоха: вызовы человеку.
35. Тощенко Ж.Т. Цит. соч.
36. Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». М., 2010.
37. Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. 2008. № 10.
38. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.

References:

1. Makhlop, F 1966, *Production and dissemination of knowledge in the United States*, Moscow.
2. Nora, S, Mink, A 1980, *The Computerisation of Society. A Report to the President of France*, Cambridge; L., (1st ed. - Paris, 1976).
3. Bard, A, Zoderkvist, J 2005, *Nocracy. The new ruling elite and life after capitalism*, St. Petersburg.
4. Kemerov, V 2012, *Society, social, polysubject*, Moscow.
5. Osipov, GA 2010, 'Information and Economy', *Information Age: Challenges man*, Moscow.
6. Inozemtsev, VL 1998, *Outside of the economic society*, Moscow.
7. Chernova, EN 2013, 'Information society and modernization in Russia', *Theory and practice of social development*, no. 12, vol. 1, p 20-23.
8. Yun, OM 2012, *Climbing to the information society*, Moscow.
9. Op. by: *Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics* 2000, Moscow, Also see: Adler, J, Black, E 2001, 'Knowledge and information – this is not the same', *Information Society*, no. 6, p. 8-15.

10. Wiener, N 1958, *Cybernetics and Society*, Moscow, (London, 1954).
11. Gorokhov, VG 2007, 'Science and technology policy in the community not-knowing', *Problems of Philosophy*, no. 12.
12. Hazen, AM 1988, *On the possible and the impossible in science, or where the boundaries of modeling intelligence*, Moscow.
13. Pivovarov, DV 2003, *The main categories of ontology*, Yekaterinburg.
14. Shannon, C 1963, *Works on Information Theory and Cybernetics*, Moscow.
15. Inozemtsev, VL 1998, *Outside of the economic society*, Moscow.
16. Uglanov, A 2014, 'End of the oil and gas curse', *Case of the week*, July 10-16, no. 25, p. 1.
17. Uglanov, A 2014, 'End of the oil and gas curse', *Case of the week*, July 10-16, no. 25, p. 1.
18. Wiener, N 1958, *Cybernetics and Society*, Moscow, (London, 1954).
19. Schmidt, E, Cohen, J 2013, *New digital world. How technology is changing people's lives, the business model and the concept of states*, Moscow.
20. Heilbroner, RL 2008, *Philosophers of this world*, Moscow.
21. Antipina, ON 2007, 'Macroeconomics new information age', *Bulletin of Moscow University*, Ser. 6, no. 3.
22. Gorshkov, MK 2012, 'Social inequality as a sociological problem and a challenge to modern Russia', *Society – Culture – people: Actual problems of the sociology of culture*, Ekaterinburg, p. 162-175.
23. Drucker, PF, 'Post-capitalist society', *New wave of post-industrial West*, p. 70-100.
24. Thurow, L, 'Future of Capitalism', *New wave of post-industrial West*, p. 188-222.
25. Thurow, L, 'Future of Capitalism', *New wave of post-industrial West*, p. 188.
26. Bard, A, Zoderkvist, J 2005, *Nocracy. The new ruling elite and life after capitalism*, St. Petersburg.
27. Op. by: Inozemtsev, VL 1998, *Outside of the economic society*, Moscow.
28. Narinyani, AS 2008, 'Between the evolution of technology and ultra', *Problems of Philosophy*, no. 4.
29. Colin, KK 2010, *Philosophical problems of computer science*, Moscow.
30. Shadrikov, VD, Shemet, IS 2009, 'Information technology in education: the pros and cons', *Higher Education in Russia*, no. 11.
31. Brushlinskiy, AV 1996, *Subject: thinking, learning, imagination*, Moscow, Voronezh.
32. Toshchenko, ZT 2011, *Centaur - problem: the experience of philosophical and sociological analysis*, Moscow.
33. Krasnoshchekov, PS 2007, 'Computerization ... be careful', *Mathematics in Higher Education*, no. 5.
34. Alekseeva, IY, 'Intellect calls', *Information Age: Challenges man*.
35. Toshchenko, ZT 2011, *Centaur - problem: the experience of philosophical and sociological analysis*, Moscow.
36. Kara-Murza, SG 2010, *Matrix "Russia"*, Moscow.
37. Chernovitskaya, YV 2008, '"Indirect" genocide in modern society (socio-philosophical aspects)', *Problems of Philosophy*, no. 10.
38. Zinoviev, AA 2006, *Factor in understanding*, Moscow.